

8. ПЬЯНИЦЫ

9 июля 2003 года в деревне Хвойск Брестской области шел дождь. Шел целый день, не переставая ни на минутку. Сочился из белого, без единого облачка, неба. Туч не было, но и солнца не было.

На скамейке, устроенной у забора своей хаты, на краешке проезжей части асфальтированной улицы, сидел дед Гриша в фуфайке, ватных брюках, резиновых сапогах, черной шапке с глянцевым козырьком, с которого на нос стекала струйка дождя. Сидел так, как будто дождя не было. Он всегда любил тут сидеть и смотреть, кто идет и едет по улице.

С утра дед сходил за двести метров к магазину. Пройти больше не под силу: ноги не донесут. А к магазину надо обязательно. Там с утра поджидали его два одногодка. Втроем дедушки купили бутылку винного напитка «Крыжачок» и там же, у магазина, на ящиках, поставленных под густым кленом, выпили по очереди из одного стакана, предложенного продавщицей.

Так они замочили очередную пенсию, дай Бог, не последнюю. Затем разошлись по делам. Дед Гриша пошел домой на скамейку. От винного напитка ему стало очень тепло.

У ног деда Гриши, на влажном песке, лежала, не обращая внимания на дождь, черно-белая собака Жучка. На скамейке, прижавшись к брюкам, сидел белый котик Пушок. На заборе, за спиной деда Гриши, не кукарекая и не шевелясь, присел и нахохлился красный петух Огонь. Над всеми возвышалась их хата. Над хатой нависла береза, вся в капельках и шорохе дождя. А еще выше белел космос, из которого шел теплый грибной дождь.

Ватные штаны преобразовывали мокрый космос в пар, обогревали деда, собаку, котика, петуха и всю родину.

На безлюдной улице, со стороны магазина, показались Владюнчик и Мишунчик. Так зовут в Хвойске неразлучных дружков, вкладывая в уменьшительно-ласкательные имена жалость и пренебрежение. Парни выпили водки и двигались по деревне, не ведая куда. Просто шли, как дождь. Курили из кулака дешевую «Астру». Гыгыкали над анекдотом. Громко чавкали их рваные кроссовки, набухшие водой.

Дед Гриша ждал, пока парни подошли. Похлопал ладонями по скамейке: «Садитесь, хлопчики!»

Пока «хлопчики» шумно здороваются с дедом за руку, пристраивают в лужицу на скамейке тощие задницы, обтянутые мокрыми джинсами, сообщу о них читателю то, что достоверно знаю сам.

Владюнчику 28 лет. Он брестчанин, что означает, что родился в Бресте. В Бресте неплохо обосновались его родители, выросшие в Хвойске. Владюнчик стал пить еще школьником. Окончательно «отвязывался», бывая у бабушки на летних каникулах.

Родители, безусловно, боролись. Умоляли, наказывали, плакали. Но парнишка пил. Отчаявшись, папа и мама отправили сына туда, где человек,

по традиционному мнению, может существовать, как растение, как дождь, как скамейка, -- в деревню.

Для регулярного питания нужно присосаться к постоянному источнику. Владюнчик сосал из бабушкиной пенсии. Летом собирал грибы и ягоды, продавал на шоссе. Случалось, навевывался в Брест, где выискивал то, что плохо лежит. Попался. Отсидел срок в тюрьме. Вернулся, естественно, к бабушке.

Чтобы внук не умер от голода, семидесятилетняя старушка из последних сил держала кур и сажала огород. Внука надо было упрашивать либо задабривать вином, чтобы помог по хозяйству. А еще -- тащить его домой, чтобы пьяный не замерз на улице, не утонул в навозной яме на ферме, не заснул на дороге и не попал под машину.

Измучившись в борьбе за жизнь внука, бабушка ушла в соседнюю деревню к двоюродной сестре. В Хвойске говорили: «Катерина ушла от Владюнчика». Так обыкновенно говорят, когда жена ушла от мужа. А тут нечто невиданное -- бабушка ушла от внука. Можете вообразить, что у нее, верующей, творилось на душе, когда уходила!

Бабушка внука-пьяницы -- навеки осиротевшая душа. Я жалею Катерину больше, чем Владюнчика. Бабушки нет две недели, а он не горюет. Каждый день режет по курице из бабушкиного сарая. Научился варить с луком и картошкой. Имеет вкусный бульон и диетическое мясо на закуску.

Две недели соседи Владюнчик и Мишунчик жили почти припеваючи. Петь не хотелось лишь по утрам, когда от похмелья дрожали руки, из больной головы исчезали все мысли и слова. Тогда парни молча, как побитые псы, брели в магазин.

Бабушкины куры вчера закончились. В сенцах лежал мешок отрубей, их Катерина давала курам. Коль нет кур, зачем отруби? Вчера, когда стемнело, Владюнчик взвалил мешок отрубей себе на спину, затащил соседу через две хаты, продал за полцены.

Сосед знал, откуда мешок, знал, ради чего заключается сделка, но не торгуясь купил у Владюнчика отруби. Не мог устоять. Дешевые отруби для Хвойска -- дороже жалости к немощной Катерине, выше сострадания к погибающему Владюнчику, весомее совести и ответственности.

С вечера Владюнчик и Мишунчик пропивали бабушкины отруби. На неделю точно хватит. А дальше? Кто думает, что будет через неделю, тот козел!

Некоторая плановость все же существовала в жизни хвойских паразитов. Скорее -- цикличность. Раз в месяц Мишунчик выезжал в Брест, чтобы забрать деньги у квартирантов. Да-да, Мишунчик сдавал в Бресте в поднаем свою однокомнатную квартиру. Как раз пора поговорить о нем.

Ничего нового о Мишунчике я не сообщу, ибо вы уже знакомы с Владюнчиком. Их жизни похожи, как две капли воды. Как две капли водки, если точнее. Отличие в том, что Мишунчику 33, а его родители и бабушка умерли. И еще об отличии -- Мишунчик, напившись, падал в навозную жижу у фермы. Чудом выплыл.

Пропьянствовав в Бресте лет десять, практически не работая, отсидев за воровство, Мишунчик придумал-таки вариант жизнеустройства. Квартиру в Бресте сдал, жил в Хвойске в пустующей бабушкиной хате, превратив ее в притон.

Если в деревне у тебя есть хата, то обязательны участливые соседи. Значит, не пропадешь. Если будешь соблюдать одно правило: у соседей не бери, кради подальше. Видя, что Мишунчик нередко голодает, соседи приносили ему картошки, огурцов, молока. Кроме сострадания, они задабривали Мишунчика, чтобы не воровал.

И Владик, и Мишунчик, и дед Гриша жили по соседству. Посему между ними установилось равновесие, основанное на взаимном уважении интересов. Дед Гриша «хлопчиков» жалел, что спились, побаивался, что обворуют, изредка помогал нехитрыми харчами.

Ребята деда Гришу уважали за то, что относился к ним, как полноценным, не читал нотаций, под настроение выпивал вместе с ними на условиях равноправного финансового партнерства.

И, как вы знаете, троих мужчин объединил дождь, не замечаемый ими. Пренебрежение к стихии -- вот что сплотило мужиков. Присоединило к ним и курей деда Гриши. Раз куры не боятся дождя, перед нами -- аномалия природы.

Куры, подняв просидев под навесом, не выдержали, вышли под морозящие небеса поковыряться в земле, пощипать посвежевшей травки. Петух Огонь, увидев кур, слетел с забора и пошел руководить. Владюнчик взял котика Пушка на колени и поглаживал, вызвав мурлыканье. Собака Жучка преданно глядела в глаза Мишунчика, подарившего ей карамельку, оставшуюся от закуски.

Живые души слились дождем воедино.

Теплый дождь вызвал грибные воспоминания, мечты. Судя по теплу, уродятся грибы. Можно заработать. Конечно, недельку-другую нужно потрудиться, чтобы рано встать, опередить в лесу всех городских, собрать свои грибы, вынести к шоссе Брест--Москва и сбыть.

Владюнчик и Мишунчик знали места, где обязательно вырастет гриб. Такие места помнил дед Гриша, но большие ноги не отпускали в лес. Дед Гриша подробно рассказывал ребятам, по какой тропке идти, под какой сосной их ждет белый гриб, под какой осиной -- красный.

Разговор о грибах так сблизил мужчин, что они решили выпить «Крыжачка». В магазин послали, как водится, самого молодого. Через пять минут Владюнчик прибежал с бутылкой 0,7. Дед Гриша сходил в хату, принес стакан. Выпили -- и стали еще роднее. Дождик сделался милее. Родина -- краше. Жизнь -- веселее. А тоска -- слаще.

Со стороны шоссе в деревню въехал битый-перебитый и сто раз перекрашенный «рафик», ехал по улице и пронзительно сигналил. Подкатил к нашим мужчинам, остановился.

Прибыли «коммерсанты», как выражаются в Хвойске. Коммерсанты знают, что деревне в любую погоду нужны отруби. Для тех, кто не знает, сообщу, что отрубями называют побочный продукт мукомольного производства. При переработке на муку от зернышка отрывают (отрубают) оболочку, а та состоит из ценнейших витаминов. В отруби идет и несортированная мука. Мешок с отрубями пылит белым. Если в сенах белым-бело, знайте: вчера закупили пару-тройку мешков.

Отруби нравятся корове, свинье, курице, утке, овце... Скотине их дают либо сухими, либо смоченными водой, помоями, сывороткой. Отруби — гарантия деревенской жизни. Владюнчик, когда бабушка уходила в прошлом году и в хате не стало еды, из отрубей варил себе кашу. Самые сырые пекут из отрубей олады.

К «рафику» со всех ближайших хат ковыляли с палочками и без них старики и старухи. Они услышали зов жизни. Знали, что коммерсанты продают отруби дешевле, чем в магазине.

Когда в Хвойске покупают отруби, это доставляет радость не только коммерсантам, но и Владюнчику-Мишунчику. Кто занесет тяжелый мешок в хату старушки? Некому, кроме Владюнчика-Мишунчика. Молодежь — надежда и опора ветеранов. Из хаты ребят не выпустят, не налив стаканчик фабричного вина или собственной самогонки. Отруби связывают поколения.

Не боясь испачкаться мукой, Мишунчик и Владюнчик с воодушевлением таскали мешки. Мокрая одежда, волосы и брови сделались белыми, как у мельников. Умываться и чиститься было излишним, теплый дождь неназойливо обмывал их.

Удовлетворив половину деревни, коммерсанты поехали на другую половину, куда раньше них долетела благая весть об отрубях, взбодрила каждого деда и всякую бабку. Однако Владюнчик и Мишунчик туда не пошли, хотя силы свои (таскать и пить) не растратили. Тот конец Хвойска был зоной влияния Васюнчика и Сергунчика, холостяков тридцати пяти и сорока лет от роду, оба по образу жизни тоже хвойские мельники.

Таким образом, в Хвойске их четверо.

2003